

ность воспринимается как целостность. Целостность же у Экарта исключает образ. Поэтому путь мистика — это путь от образа к безобразности, от вещи к духу, от зримого, слышимого, осязаемого к бесплотному, данному вне ощущений. Иначе говоря освобождение *«от всех вещей, ибо противно богу творчество в образах»* (с. 17). Это и запечатлено в мистическом рецепте: *«...беги суеты внешних дел, беги и скройся от бурь внешних дел...»* (там же).

Бог — тварь; дух — тело; безобразность — образ. Все это — равновесные антиподы. Но лишь постольку равновелики, поскольку и тело, и порча этого тела — тоже духовны. Причем именно антитеза (не сумма антитез!) — одна-единственная, каждая; больше того: крупница ее равна всей тезе-богу. Равна, но как? Мистический рационализм Роджера Бэкона — вспомним цитированный отрывок из алхимического его трактата о мрах совершенства разных металлов — настаивал на том, что все несовершенные металлы лишь в сумме, может быть, равны золоту — не по знаку, а по абсолютной величине. Не то у Экарта: *«Малейший образ твари, который ты создаешь в себе, так же велик, как бог»* (с. 25). Почему? Потому что он отнимает у тебя целого бога.

Дух всесилен, но и хрупок. Остановка в различающем движении мысли невозможна. Бог не дробим. Движение до конца закрепляется жестким нравственным запретом. *«Господь говорит каждой любящей душе: «Я был ради вас человеком, если вы не станете ради меня богами, то будете ко мне несправедливыми»* (с. 31). Дуализм снят в Иисусе Христе — богочеловеке. Он должен быть преодолен во второй раз — пусть чудотворенно — в человекобоге.

Но путь начинается все-таки с вещи, а значит, и с образа. Поэтому лишь в конечной точке пути наверх — от твари к богу — заключена абсолютная безобразность, *«когда человеческая мысль не касается больше никакой вещи, тогда она впервые касается бога»* (с. 33). И вновь: *«...отверните все образное и соединитесь с сущностью, не имеющей лика и образа»* (с. 65). Душа, достигшая совершенного состояния, *«становится от познания незнающей, от любви бесчувственной, от света темной»* (с. 64).

Но это и есть истинное знание, потому что совершилось еще одно — самое-самое — аннигиляция собственного тела. *«Когда ты лишишь себя самого и всего внешнего, тогда воистину ты это знаешь»* (с. 21).

На пути к цели встречаются вещи, описываемые ярко и образно — в их сиюминутности. Накапливается эмпирия вещей, коими полна жизнь созерцателя. Это реальные свойства чувственных тел, когда признак предмета совпадает с самим предметом — свойством несовершенных металлов, так подробно выписанных, но прежде специально наблюдаемых. Значит, путь по «рытвинам-ухабам» тварного — путь изучающего созерцания тела: *«Созерцание должно стать плодотворным в делании, делание — в созерцании»* (с. 81). Экарту близки слова апостола Павла: *когда приходит полное, исчезает то, что отчасти*. Но именно это отчасти в итоге не исчезает. Именно оно становится систематизированной эмпирией для возрожденческой науки, науки нового времени.